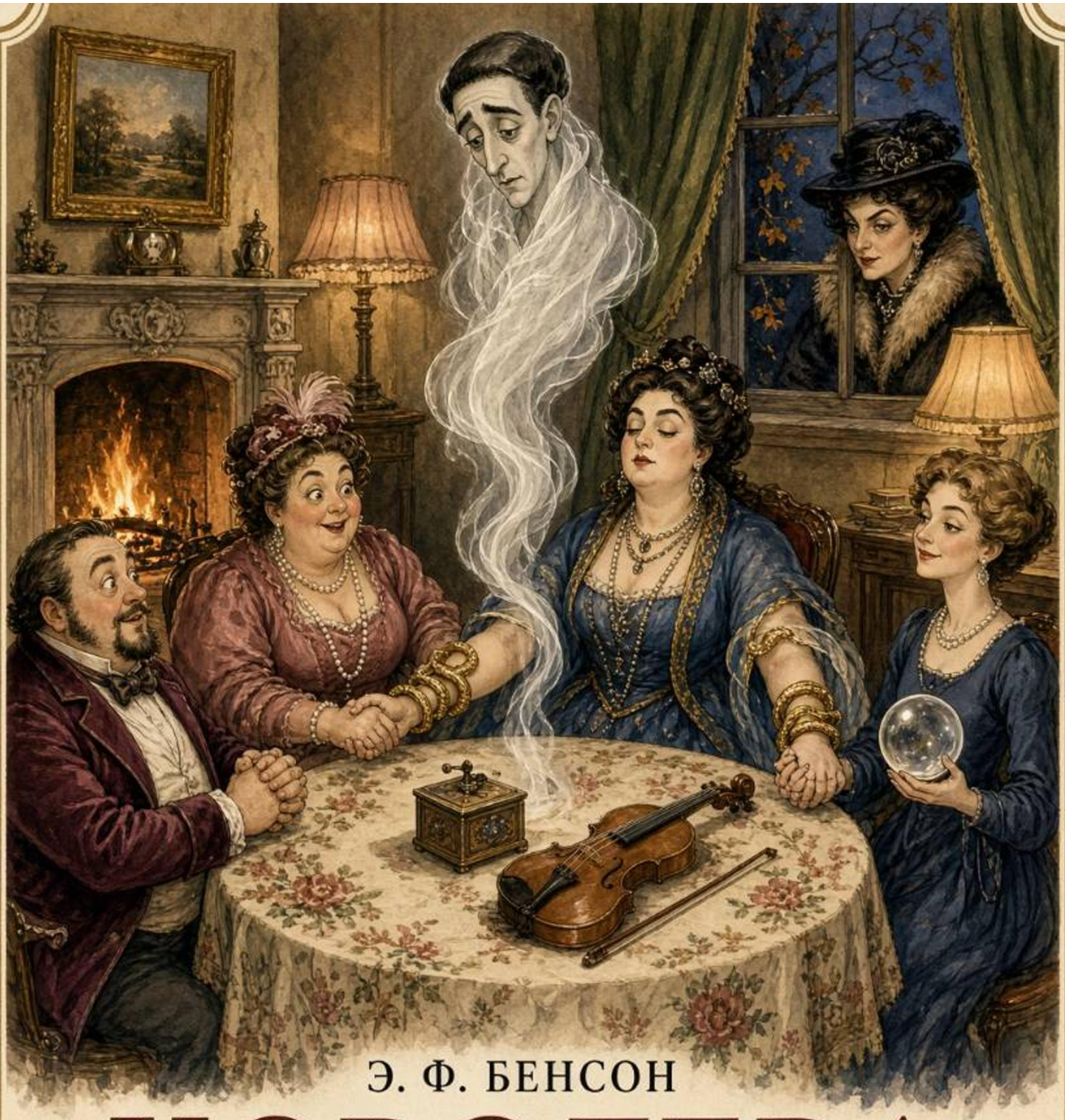

Э. Ф. БЕНСОН

КОРОЛЕВА ЛЮЧИЯ

— Мэпп и Лючия. Книга 1. Часть 2 —

СВЕТСКИЕ ИНТРИГИ • СПИРИТИЗМ • ВОЙНА ЗА ТРОН

Из цикла, по которому сняты сериалы «Мэпп и Лючия»

Э. Ф. Бенсон

Королева Лючия.
Часть 2. Мэпп и Лючия.

«Автор»
2026

Бенсон Э.

Королева Лючия. Часть 2. Мэпп и Лючия. / Э. Бенсон — «Автор», 2026

В Райзхолме поселилась знаменитая оперная певица Ольга Брейсли — и трон Лючии впервые зашатался. Ольга весела, проста и ни на что не претендует, но подданные один за другим тянутся к ней, а верный Джорджи Пиллсон проводит в её доме всё больше времени.Тем временем Дейзи Квонток приглашает настоящего медиума — русскую княгиню Попоффскую, полковник Баучер и миссис Уэстон держат в напряжении всю деревню, а Лючия пускает в ход всё своё искусство, чтобы снова стать первой дамой Райзхолма.«Королева Лючия» (1920) — первый роман серии Э. Ф. Бенсона «Мэпп и Лючия», классическая английская комедия нравов. В этой книге — вторая часть романа (в оригинале — главы VIII–XVI). Впервые на русском языке.

© Бенсон Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От переводчика 6
Глава I 7
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Королева Лючия. Часть 2. Мэпп и Лючия.

Перевод с английского — Платон Стрельцов

Перевод выполнен по изданию: E. F. Benson, «Queen Lucia» (London: Hutchinson, 1920). Оригинал находится в общественном достоянии.

В Райзхолме поселилась знаменитая оперная певица Ольга Брейсли — и трон Лючии впервые зашатался. Ольга весела, проста и ни на что не претендует, но подданные один за другим тянутся к ней, а верный Джорджи Пиллсон проводит в её доме всё больше времени.

Тем временем Дейзи Квонток приглашает настоящего медиума — русскую княгиню Попоффскую, полковник Баучер и миссис Уэстон держат в напряжении всю деревню, а Лючия пускает в ход всё своё искусство, чтобы снова стать первой дамой Райзхолма.

«Королева Лючия» (1920) — первый роман серии Э. Ф. Бенсона «Мэпп и Лючия», классическая английская комедия нравов. В этой книге — вторая часть романа (в оригинале — главы VIII–XVI). Впервые на русском языке.

От переводчика

Эдвард Фредерик Бенсон (1867–1940) написал «Королеву Лючию» в 1920 году. Это комедия нравов: вся её соль — в мелочах деревенской жизни, в снобизме, в сплетнях и в том, как серьёзно герои относятся к самим себе. Эта книга — вторая часть перевода; имена, названия и приёмы перевода в ней те же, что и в первой.

Перевод сделан современным языком, но без переделок: смысл, имена, числа и даты сохранены так, как у автора. Длинные абзацы местами разделены.

Лючия и её круг постоянно вставляют в речь итальянские, латинские и другие иностранные слова — это часть их позы. Такие слова оставлены в оригинале курсивом, а сразу за ними в скобках дан перевод. Детский лепет, на который герои переходят в минуты нежности, передан русским сюсюканьем. Райзхолмские степени торжественности приёма — Hightum, Tightum и Scrub — переведены как «Парадный», «Нарядный» и «Затрапез».

Сноски даны только к именам людей и к цитатам; они собраны в конце каждой главы. Пояснения переводчика — например, к игре слов, которую нельзя передать по-русски, — помечены словами «От переводчика».

Роман написан больше ста лет назад, и в нём встречаются слова и взгляды своего времени — об иностранцах, о бедных, о спиритизме. В переводе они сохранены как часть памятника эпохи и часто как часть сатиры: автор смеётся над своими героями, а не вместе с ними.

Платон Стрельцов

Глава I

Весь август в культурной жизни Райзхолма безраздельно царил гуруизм, а жрицей и хранительницей его таинств была Лючия. Никогда прежде она не правила с такой ликующей высоты и не владела столь прочной властью. Доступ к гуру был только через неё: все его занятия проходили в курительной гостиной, а медитировал он лишь в «Гамлете» или в укромной беседке в конце аллеи ракитника. Однажды он вздумал медитировать на деревенском лугу, но Лючия этого не одобрила и, взяв за руку, отвела его, всё ещё погружённого в себя, домой.

Занятия невероятно разрослись: теперь почти все райзхолмцы находились на той или иной ступени обучения — кроме Герми и Урси, которые объявили всё это «чепухой» и, чтобы беззлобно подразнить Джорджи, иногда становились посреди лужайки на одну ногу и задерживали дыхание. Потом Герми говорила: «Раз, два, три», — и они во всё своё нестройное горло кричали «Ом». С тех пор как гуру фактически оказался интернирован в Херсте, они его ни разу и в глаза не видели: на Парадный приём в саду они идти не пожелали, предпочтя сыграть в гольф ещё один круг, а встретив на следующий день Лючию, весьма непочтительно отозвались о восточной философии. С тех пор Лючия перестала замечать их существование.

Лючия теперь занималась с гуру отдельно, в классе из неё одной, — так велики были её успехи в йоге: она могла задерживать дыхание куда дольше всех остальных и освоила шесть поз. А следующий класс, который она тоже посещала, составляли прочие первые ученики — Дейзи Квонток, Джорджи и Пеппино. У них дела тоже шли очень хорошо, но Лючия далеко их обогнала, и теперь, если гуру призывали другие неотложные духовные дела, она сама вела занятия с менее продвинутым классом.

Для этого она облачалась в на редкость шедшее ей платье из белого льна — до самого пола, с широкими ниспадающими рукавами, как у стихаря. Оно было подпоясано серебряным шнуром с длинными кистями, застёгивалось на перламутровые пуговицы, а сзади имело капюшон на белой атласной подкладке, который надевался на голову. Когда она сидела и учила, приняв поистине весьма продвинутую позу, из-под подола выглядывали носки её белых сафьяновых туфелек. Это платье она называла своей «Мантией наставницы». В её класс входили полковник Баучер, Хрюшка Антробус и миссис Уэстон; иногда полковник приводил с собой бульдогов, и те лежали и сопели в точности так, будто тоже делали дыхательные упражнения. Всех их овевал благоуханный ветерок радостной тайны и духовного усилия, и, вне всякого сомнения, упражнения и глубокое дыхание шли им всем на пользу.

Однажды вечером, ближе к концу месяца, Джорджи сидел в саду — оставалось полчаса до того, как пора переодеваться к ужину, — и думал о том, как он занят и при этом как удивительно молод и свеж. Обычно этот месяц, когда у него гостили Герми и Урси, сильно его утомлял, и в обычный год на следующий же день после их отъезда он уехал бы с Фолджэмб и Дикки и провёл тихую неделю у моря. Но теперь, хотя сёстры уезжали завтра утром, он вовсе не собирался брать заслуженный отдых, — и это несмотря на то, что всё это время он не только принимал их у себя, но и переделал поразительное количество других дел. Начать с ежедневных занятий, которые требовали немалых трудов — медитаций и упражнений, не говоря уже о самой учёбе. А кроме того, у него было ещё одно дело, которое в любой другой год могло бы истощить его силы до предела.

Ольга Брейсли окончательно купила тот дом, без которого, как ей казалось, и жить не стоило, и весь этот месяц Джорджи по её просьбе осуществлял полунезависимый надзор за его отделкой и обстановкой. Общий замысел она определила сама и прислала из Лондона большую часть мебели, но Джорджи поручили сообщать ей о подходящих старинных вещицах, какие ему попадутся, а если дело не терпит отлагательства — покупать их под собственную ответственность. Но главное — по-прежнему требовалась тайна, пока дом не будет настолько готов,

что «её Джорджи» получит позволение всё рассказать. К концу месяца весь Райзхолм пребывал в полном изнеможении после яростного, лихорадочного любопытства: кто же снял дом? Джорджи зашёл так далеко, что признался, будто знает, но самые жалобные мольбы назвать владельца разбивались о его уши — если не глухие, то непреклонные. Ни малейшего намёка он не давал.

Бесконечные поездки в дом, поиски мебели, её расстановка по подходящим местам, надзор за устройством сада, переговоры с обойщиками, водопроводчиками, драпировщиками, малярами, плотниками и прочими отнимали очень много времени. Но восхитительная таинственность всего этого и то, что он трудится ради столь обворожительного создания, превращали его хлопоты в истинное отдохновение. Ещё одно обстоятельство, которое вместе с этим и с омолаживающими занятиями заставляло его чувствовать себя моложе прежнего, — это то, что тупей появился у него незаметно и прижился как нельзя лучше. Больше не нужно было бояться, что его шпалерные пряди съедут с места. Он чувствовал себя на этот счёт так надёжно и неразоблачимо, что стал ходить без шляпы и вскоре собирался сказать, что от этого волосы у него растут гуще прежнего. Но для этого время ещё не пришло: было бы нехудожественно намекать, что всего пара недель без шляпы принесла столь желанный результат.

Отдыхая после дневных трудов, он раздумывал, как приезд Ольги Брейсли в Райзхолм отразится на здешнем укладе. Невозможно было представить, чтобы она — с её красотой, обаянием, славой, яркой личностью — заняла в его жизни какое-то второе место. Если только она и вправду не собиралась сделать Райзхолм своим убежищем и вовсе не участвовать в его жизни, трудно было понять, какое место она займёт, кроме первого. Та, что своим появлением на навеки памятном приёме у Лючии в одно мгновение превратила его из самого унылого «Затрапеза» (в душевном смысле) в самое «Парадное» собрание из всех, какие когда-либо бывали, не могла отложить в сторону своё превосходство и первенство.

Никогда ещё Лючия не «выигрывала» так поразительно, как благодаря запоздалому появлению Ольги: оно, словно магнит железные опилки, притянуло назад всех разошедшихся гостей и вознесло весь приём, будто ракету, в зенит светского успеха. Весь Райзхолм знал, что Ольга пришла (проиграв перед тем весь день в крокет с Джорджи) и задаром, даром и совершенно бесплатно устроила им такое угощение, какое и богатейшим доступно лишь за самые ошеломительные гонорары. Единственной, кто этого не застал, была леди Эмбермир, катившая назад в Холл с Мопсом и бедной мисс Лайелл; но на другой же день она обо всём узнала, потому что Джорджи нарочно съездил к ней рассказать — и встретил Лючию, уже уезжавшую оттуда. Так как же появление Ольги скажется на светской жизни Райзхолма вообще и на Лючии в частности? И что скажет Лючия, когда узнает, ради кого Джорджи так хлопочет с водопроводчиками и малярами и скупает столько желанных сокровищ в «Гербе Эмбермиров»?

Откровенно говоря, ответить на эти загадки он не мог: они предполагали немыслимые положения, которые тем не менее, при всей своей немыслимости, вот-вот должны были наступить, потому что Ольгу можно было ждать ещё до октября — сезона чаепитий, открывавшего многообразные зимние увеселения. Войдёт ли Ольга в залитый лунным светом кружок, которому Лючия играет первую часть «Лунной сонаты», и испустит ли в конце долгий вздох, как все остальные? И подойдёт ли к ней Лючия, когда все немного оправятся от неизменного волнения, и скажет ли: «*Olga mia*(моя Ольга), совсем чуть-чуть из „Валькирии“? Это было бы так мило»? Почему-то Джорджи при всём своём воображении никак не мог представить себе подобную сцену.

А станет ли Ольга играть вторую горожанку или что-нибудь в этом роде, когда Лючия будет играть Порцию? Запишется ли Ольга в начальный класс йоги, где её станет наставлять Лючия в «Мантии наставницы»? Будет ли петь дискантом в рождественских гимнах, пока Лючия отбивает такт и выговаривает в ритме, по слогам: «Дис-кан-ты чуть за-ни-жа-ют! Бедны-е мо-и у-ши!»? Ничего этого Джорджи представить себе не мог; и всё же, если Ольга совсем

не будет участвовать в светской жизни Райзхолма (а это было столь же немыслимо), что тогда? Правда, она сказала, что приезжает сюда потому, что это идеально ленивая тихая заводь, но Джорджи не принимал этого всерьёз. Скоро она увидит, что такое Райзхолм, когда его жизнь несётся бурным потоком и закручивает её лодочку вместе с собой.

И наконец, что станется с ним самим, когда Ольга засияет звездой на этом небосводе? Он и так уже, он это сознавал, вращался вокруг неё, словно нетерпеливая, восхищённая маленькая луна, которую более могучая планета увлекла с орбиты, где та так довольно кружила прежде. И насколько он оторвался от прежней орбиты, можно было судить в точности по тому, что этот уже начавшийся отрыв не сопровождался ни малейшим ощущением борьбы противоположных сил. Великая новая звезда, выплывшая на небеса, просто подхватила его силой своего превосходящего притяжения — точно так же, как своим мимолётным соединением с Лючией на приёме в саду она подняла Лючию до величины, какой та никогда прежде не обладала. Эта величина всё ещё оставалась за Лючией и, несомненно, останется, пока великая звезда не появится снова. А тогда её сияние без всяких усилий непременно затмит все прочие огни — и так же без усилий непременно притянет к себе все маленькие луны.

Или Лючия как-нибудь сумеет — то ли одной лишь силой воли, отчаянными и враждебными стараниями, то ли, напротив, высшим тактом и ловкостью — впрячь великую звезду в собственную колесницу? Он полагал, что отчаянные и враждебные старания больше в духе Лючии, и этот тихий вечерний час представлялся ему затишьем перед бурей.

Настоящую тишину этой минуты вдруг нарушили. Хлопнула входная дверь, и дом наполнился топотом бегущих ног и взрывами хохота. Но для Герми и Урси такое появление было не редкостью, и Джорджи в ту минуту ни малейшего понятия не имел, насколько далеко зайдёт нарушение покоя. Он только пару раз глубоко вздохнул, раз-другой произнёс «Ом» и был вполне готов убедиться, что его глубинное спокойствие не поколеблено.

Герми и Урси сбежали по ступенькам в сад, где он сидел, всё так же заливаясь хохотом, и воображение Джорджи всё ещё не шло дальше того, что одна из них загородила другой лунку своим мячом, или запустила мяч за пределы поля, или выкинула ещё что-нибудь из тех штук, которые, по-видимому, делали эту игру для них такой занятной.

— Джорджи, ни за что не угадаешь! — крикнула Герми.

— Гуру! «Ом», высокой касты и необычайной святости! — крикнула Урси.

— Брахман из Бенареса! — взвизгнула Герми.

— Великий Учитель! Как ты думаешь, кто он? — сказала Урси. — Мы его раньше в глаза не видали…

— Но сразу узнали…

— И он нас тоже узнал — и как припустил!..

— В Херст, и дверь захлопнул…

Глубинное спокойствие Джорджи вдруг задрожало, как желе.

— Милые мои, незачем так вопить и говорить так громко, — сказал он. — Весь Райзхолм услышит. Расскажите без крика, кого это, по-вашему, вы узнали.

— Никаких «по-нашему», — сказала Герми. — Это один из поваров «Калькуттского ресторана» на Бедфорд-стрит…

— Где мы часто обедаем, — сказала Урси. — Он готовит восхитительнейшее карри.

— Особенно когда слегка навеселе, — сказала Герми.

— И брахман он примерно такой же, как я.

— И всегда говорил, что он из Мадраса.

— Мы всегда даём ему на чай, чтобы он сам приготовил карри, так что в деньгах он кое-что смыслит.

— О господи! — сказала Герми, утирая глаза. — Ну это уж предел всему!

— И подумать только: миссис Лукас, и полковник Баучер, и ты, и миссис Квонток, и Хрюшка, и все остальные сидят вокруг повара, — сказала Урси, — и впитывают его мудрость. Всё-таки мистер Квонток был на верном пути, когда хотел его нанять.

Сердце у Джорджи упало. Сперва ему нужно было убедиться, что это не очередная шутка сестёр, а затем он попытался приободрить упавшее сердце, вспомнив, что гуру часто говорил о достоинстве простого ручного труда. И всё же, если Герми и Урси правы, узнать, что это подвыпивший мастер по карри, было ударом. В простом ремесле приготовления карри не было ничего такого, что могло бы запятнать святость, но поразительная паутина лжи, которой гуру скромно прикрывал своё невинное занятие, была не слишком в духе наставников, о которых он рассказывал. Однако прежде всего было важно удостовериться, что сёстры пока никому, кроме него, не сообщили о своём ошеломительном открытии, а потом — взять с них обещание этого не делать.

Это оказалось не так-то просто: Герми и Урси задумали после ужина обойти с визитами всех участников занятий, кроме Лючии, — пусть наутро проснётся единственным во всём городке человеком, у которого ещё остались иллюзии.

— Ей бы это не понравилось, знаешь ли, — с бойким злорадством сказала Герми. — Мы подумали, что это будет ей по заслугам за то, что после своего дурацкого приёма в саду она нас больше ни разу к себе не позвала.

— Милая моя, вы же и не хотели идти, — сказал Джорджи.

— Знаю, что не хотели, но нам хотелось сказать ей, что мы не хотим. Она была нелюбезна. Нет, вряд ли мы сможем отказаться от того, чтобы рассказать всем. Он вас всех выставил такими дурачками. По-моему, он молодчина.

— И по-моему, — сказала Урси. — Скоро он снова будет стоять у своей печки для карри. Вот уж мы с ним посмеёмся.

Они утихли ровно на то время, пока Фолджэмб выходила из дома, сообщала им, что до ужина четверть часа, и возвращалась обратно. Все послушно поднялись.

— Ну, поговорим об этом за ужином, — дипломатично сказал Джорджи. — А я сперва спущусь в погреб и посмотрю, не найдётся ли там чего-нибудь, что вы любите.

— Старина Джорджи, — сказала Герми. — Но уж если ты собираешься нас подкупить, то подкупай как следует.

— Посмотрим, — сказал он.

Джорджи был совершенно прав, бережно обходясь со своей «Вдовой Клико», — тем более что именно бутылку этого превосходного напитка Герми и Урси утащили из его погреба в ночь своего разбойничьего вторжения. Он хорошо это помнил, хотя — главным образом из желания не портить отношений из-за своих волос — присоединился тогда к «веселью» и даже выставил ещё полбутылки. Но сегодня, ещё больше, чем тогда, требовалось отбросить всякую мелочную экономию: положение стало бы совершенно невыносимым, если бы Герми и Урси разнесли по Райзхолму, что зачинатели и самый тесный кружок философов-йогов сидели у ног вовсе не Гамалиила[1], а повара по карри из какого-то низкопробного ресторанчика.

Он даже принёс сегодня вторую бутылку, чтобы, если Герми и Урси не смягчатся от первой, пустить в ход и её. Тогда их едва ли можно будет принимать всерьёз, если они всё-таки станут настаивать на том, чтобы обойти Райзхолм дом за домом и сорвать покров с лица гуру. Джорджи был слишком прямодушен, чтобы и помыслить о том, чтобы напоить своих сестёр, но готов был пойти на большие жертвы, чтобы расположить их к доброте. Что внутренний кружок станет делать с этим поваром, он понятия не имел; надо поговорить с Лючией до завтрашнего утреннего занятия продвинутого класса. Но всё было лучше, чем выпустить Герми и Урси на Райзхолм с их грубым смехом и позорными разоблачениями. Когда этот вечер благополучно минует, можно будет обсудить с Лючией, что делать: Герми и Урси с первыми петухами исчез-

нут — они собирались участвовать в каком-то турнире по гольфу на безопасном расстоянии отсюда.

Лючия, может быть, посоветует вообще ничего не делать и захочет продолжать просветительские занятия, будто ничего не случилось. Но Джорджи чувствовал, что для него самого из занятий улетучилась вся романтика. А может быть, от гуру придётся как-нибудь избавиться. Он был твёрдо уверен лишь в одном: Лючия согласится с ним, что Дейзи Квонток говорить нельзя. Она, с её несбывшимся честолюбивым желанием стать главной распространительницей гуруизма в Райзхолме, вполне может «показать когти» и разнести повсюду, что они с Робертом давным-давно раскусили этот обман и даже подумывали, не предложить ли гуру место повара у себя в доме, — для этого он подходит гораздо больше. Она даже может добавить, что удержала её от этого лишь его склонность к её хорошенькой горничной.

Вечер прошёл даже блистательнее, чем ожидал Джорджи, и вторую бутылку шампанского открывать не понадобилось. Герми и Урси — то ли под действием первой, то ли по природному добродушию, то ли потому, что уезжали завтра очень рано и хотели, чтобы их отвезли в Бринтон, а не ехать более медленным и ранним поездом с местной станции, — охотно отказались от намерения оповестить весь Райзхолм о своём открытии и отправились спать, как только обобрали брата на одиннадцать шиллингов в бридж втроём. Они продолжали говорить: «Хожу гуру», — всякий раз, как им приходилось ходить с валета, но Джорджи было совсем нетрудно над этим смеяться, лишь бы шутка не пошла дальше. Он и сам сказал: «А я тебя загурую», — взяв взятку козырным валетом.

Тревога и неизвестность не дали ему как следует выспаться, к тому же в доме изрядно шумели: у сестёр, когда они легли, ещё вся укладка была впереди, и дремоту, предшествующую сну, то и дело прерывали стук чемоданов, лязг клюшек для гольфа и шаги на лестнице — они готовились к отъезду.

Но через некоторое время шум утих, и он проснулся от глубокого сна с ощущением, что его разбудил какой-то звук. Видимо, они ещё не закончили: где-то явно слышалось слабое движение. Во всяком случае, они уважали его законное желание покоя, потому что звук, каков бы он ни был, был в высшей степени крадущимся и приглушённым. Он вспомнил свою нелепую затею с грабителями в ночь их приезда и улыбнулся. Тупей лежал в ящике возле кровати, но у него не возникло сколько-нибудь серьёзного желания надеть его и удостовериться, что звук — не что иное, как сборы сестёр к раннему отъезду. Сам он, если бы ему предстояло ехать на следующий день, задолго до ужина уложил бы и перевязал всё, кроме одного чемоданчика с самым необходимым; но милые Герми и Урси такие безалаберные. Как-нибудь он велит повесить колокольчики на все ставни, как решил месяц назад, и тогда никакой шум больше не будет его беспокоить…

Занятие йогой следующим утром (против обыкновения) было назначено на десять, потому что Пеппино, который ни за что не пропустил бы его, собирался на целый день на рыбалку к той счастливой речке, что впадала в Эйвон, и хотел выехать к одиннадцати. Пеппино в последнее время сделал большие успехи, и при медитации у него появлялись любопытные головокружения, весьма отрадные.

Джорджи позавтракал с сёстрами в восемь (они выманили у него автомобиль, чтобы доехать до Бринтона), а когда они уехали, Фолджэмб сообщила ему, что у горничной болит горло и она не «убрала» гостиную. Фолджэмб сама её «уберёт», когда приведёт в порядок наверху комнаты «молодых леди» (в этом прозвучала нотка презрения). Поэтому Джорджи сидел на подоконнике в столовой и думал, как приятны тишина и покой. Но как раз когда пора было отправляться в Херст, чтобы до занятия обсудить с Лючией вчерашние разоблачения и, может быть, выработать какую-нибудь скрытную политику, которая предотвратила бы дальнейшую огласку, он вспомнил, что оставил в гостиной портсигар (хорошенький соломенный, с бирюзой в уголке), и пошёл за ним. Окно было открыто — видимо, Фолджэмб *действительно*только

что заходила, чтобы впустить свежий воздух в атмосферу, которую Герми и Урси вчера вечером так неустанно отравляли своими «цигарками», как они их называли, — но портсигара не оказалось на столе, где он, как ему казалось, его оставил. Он огляделся и застыл на месте.

Его стеклянная витрина с сокровищами была не только открыта, но и пуста. Исчезла табакерка времён Людовика XVI, исчезла миниатюра Карла Хута, исчезла вещица из боуского фарфора, исчез портсигар Фаберже. Осталась одна лишь игрушечная мисочка времён королевы Анны, и без остальных она казалась ему — как, без сомнения, показалась и грабителю — невыразимо ничтожной.

Джорджи издал тихий жалобный вопль, но волосы на себе рвать не стал — по очевидным причинам. Потом он трижды быстро позвонил в колокольчик: это был знак Фолджэмб, что, даже если она в ванне, она должна явиться немедленно. Она вошла, держа в руке один из противных шерстяных джемперов Герми, забытый при отъезде.

— Да, сэр, что случилось? — взволнованно спросила она: ей не припоминалось, чтобы Джорджи когда-нибудь звонил трижды, — разве что однажды, когда у него в горле застряла рыбья кость, и ещё раз, когда в записке ему сообщили, что Хрюшка собирается зайти и надеется застать его одного.

Вместо ответа Джорджи указал на разграбленную витрину.

— Пропали! Ограбили! — сказал он. — О боже мой!

В эту решающую минуту зазвонил телефон.

— Посмотрите, что там, — сказал он Фолджэмб и положил игрушечную мисочку королевы Анны в карман.

Она торопливо вернулась.

— Миссис Лукас просит вас сейчас же прийти, — сказала она.

— Не могу, — сказал Джорджи. — Я должен остаться здесь и послать за полицией. Ничего нельзя трогать, — и он поспешно поставил игрушечную мисочку обратно, точно на кружок примятого бархата, где она стояла прежде.

— Да, сэр, — сказала Фолджэмб, но через мгновение вернулась снова.

— Она будет очень признательна, если вы придёте сейчас же, — сказала она. — У них в доме ограбление.

— Ну так скажите ей, что и у меня тоже, — раздражённо сказал Джорджи. Но тут на помощь ему пришло добродушие, смешанное с бешеным любопытством.

— Тогда ждите здесь, Фолджэмб, вот на этом самом месте, — сказал он, — и смотрите, чтобы никто ничего не трогал. Я, наверное, позвоню в полицию из Херста. Впустите их.

В волнении он надел шляпу, вместо того чтобы пойти с непокрытой головой, и у дверей его встретила Лючия, которая явно высматривала его из окна музыкальной комнаты. На ней была «Мантия наставницы».

— Джорджи, — сказала она, совершенно позабыв поздороваться по-итальянски, — сегодня ночью кто-то вскрыл сейф Филипа и взял сто фунтов банкнотами. Он положил их туда только вчера, чтобы заплатить наличными за ту лошадку. И мой римский жемчуг.

Джорджи ощутил некоторую гордость за свои достижения.

— Меня тоже ограбили, — сказал он. — Одна моя табакерка времён Людовика XVI стоит больше, а ещё вещица из боуского фарфора, и портсигар, и Карл Хут в придачу.

— Дорогой мой! Входите, — сказала она. — Это шайка. А я чувствовала себя такой умиротворённой и возвышенной. Теперь в доме будет ужасная атмосфера. Мой гуру будет глубоко потрясён. Атмосфера, где побывали воры, его задушит. Он часто говорил мне, что не может оставаться в доме, где разыгрывались дурные страсти. Я должна скрыть это от него. Я не могу его потерять.

Лючия опустилась на просторную елизаветинскую скамью с высокой спинкой в холле. Юмористический паук насмехался над ними с окна, юмористические каменные фрукты — с

блюда рядом с вазой для попурри. Не успела она ещё раз повторить: «Я не могу его потерять», — как в парадную дверь раздался оглушительный стук, и Джорджи по знаку своей королевы впустил миссис Квонток.

— Нас с Робертом ограбили, — сказала она. — Четыре серебряные ложки — слава богу, большая часть наших вещей посеребрённые, — восемь серебряных вилок и георгианская пивная кружка. Без всего, кроме последней, я бы обошлась.

У Лючии вырвался слабый вздох облегчения. Если смрадная атмосфера воров пропитала и дом Дейзи, то нечего было опасаться, что гуру вернётся туда. Она мгновенно стала возвышенной.

— Мир! — сказала она. — Давайте сначала проведём занятие — уже десять — и не позволим никаким мыслям о мести или зле испортить его. Если я сейчас пошлю за полицией, то не смогу сосредоточиться. Я ничего не скажу моему гуру о том, что случилось с кем-либо из нас, но ради бедного Пеппино попрошу его дать нам сегодня урок покороче. Я совершенно спокойна. Ом.

В голове Джорджи начали складываться смутные кошмарные образы — недостойные подозрения, основанные на вчерашних сведениях сестёр. Но раз Фолджэмб охраняла мисочку королевы Анны, бояться больше было нечего, и он последовал за Лючией — при каждом её шаге мягко покачивался серебряный шнур с кистями — в курительную гостиную, где Пеппино уже сидел на полу и дышал несколько взволнованнее, чем было принято в продвинутом классе. На столе стояли свежие цветы, из сада веял душистый утренний ветерок. Как было заведено, все сели и стали ждать, с каждой минутой делаясь спокойнее и умиротворённее. Скоро на дорожке из битых плит за окном послышится постукивание каблуков в шлёпанцах, и на время они забудут обо всех этих волнениях. Но все были довольно рады, что Лючия попросит гуру дать им урок короче обычного.

Они ждали. Наконец стрелки кромвеллевских часов — ближайшего подобия елизаветинских, какое Лючии пока удалось раздобыть, — показали четверть одиннадцатого.

— Мой гуру немного опаздывает, — сказала она.

Через две минуты Пеппино чихнул. Ещё через две минуты заговорила Дейзи — с иронией.

— Не лучше ли посмотреть, что случилось с вашим гуру, дорогая? — спросила она. — Вы видели вашего гуру сегодня утром?

— Нет, дорогая, — ответила Лючия, не открывая глаз, потому что она «сосредоточивалась», — он всегда медитирует перед занятием.

— Я тоже, — сказала Дейзи, — но я уже достаточно намедитировалась.

— Тише! — сказала Лючия. — Он идёт.

Это оказалось ложной тревогой: то был всего лишь персидский кот Лючии, повздоривший с какими-то сухими лавровыми листьями. Лючия поднялась.

— Мне не хочется ему мешать, — сказала она, — но время идёт.

Она вышла из курительной гостиной той медленной гибкой походкой, какую принимала, надевая «Мантию наставницы». Не прошло и нескольких секунд, как она вернулась — быстрее и без всякой гибкости.

— Его дверь заперта, — сказала она, — а ключа в ней нет.

— А в замочную скважину вы заглянули, *Lucia mia*(моя Лючия)? — спросила миссис Квонток с неудержимой иронией.

Разумеется, Лючия пропустила это мимо ушей.

— Я постучала, — сказала она, — и ответа не было. Я сказала: «Учитель, мы ждём», — а он не ответил.

Внезапно заговорил Джорджи — словно хлопнула пробка, вылетевшая из бутылки.

— Сёстры сказали мне вчера вечером, что он повар по карри в «Калькуттском ресторане», — сказал он. — Они его узнали, и им показалось, что он их тоже узнал. Он из Мадраса, и брахман он не больше, чем Фолджэмб.

Пеппино вскочил на ноги.

— Что? — сказал он. — Возьмём кочергу и выломаем дверь! По-моему, он сбежал, и, по-моему, грабитель — это он. Звоните в полицию.

— Повар по карри, значит? — сказала Дейзи. — Всё-таки мы с Робертом были правы. Мы знали, к чему ваш гуру больше всего пригоден, дорогая Лючия, но вы ведь, конечно, всегда знаете лучше, и вы с ним ловко нас всех дурачили. Но меня вы не одурачили. Когда вы его у меня отняли, я сразу поняла, какую сделку вы заключили. Гуру, как же! Он того же поля ягода, что и миссис Эдди[2], а её я раскусила быстро. И что же нам теперь делать? Я, со своей стороны, просто пойду домой, позвоню в полицию и скажу, что индиец, который все эти недели жил у вас, украл мои ложки, вилки и георгианскую кружку. Гуру, как же! Ворюгуру — вот как я его называю! Вот!

Гнев, как некогда Гипериона[3], поднял её на ноги, и она стояла, бросая вызов всему продвинутому классу, — маленькая, толстая и совершенно нелепая, но с какой-то революционной угрозой в облике. Она была не то чтобы «грозна, как полки со знамёнами»[4], но грозна, как пожилая дама с давней обидой, которую обострила потеря георгианской кружки, — и этого было достаточно, чтобы Лючия заняла примирительную позицию. Она горько раскаивалась, что вообще похитила у Дейзи её гуру, — если сгущавшиеся в воздухе подозрения окажутся верны; но ведь пока они не доказаны. Гуру ещё мог войти из беседки в аллее ракитника, которую они ещё не обыскали, или, может быть, левитировал где-нибудь с ключом от двери в кармане. Это было маловероятно, но возможно, а в такой критический момент за возможности надо цепляться — иначе оставалось бы только уйти под воду, как те подводные лодки.

Они обыскали весь сад, но не нашли никаких следов повара по карри; осторожно расспросили слуг, не видел ли его кто, но ничего не узнали. Поэтому, когда Пеппино достал из ящика с инструментами увесистый молоток и крепкое долото и повёл всех наверх, каждый понимал, что настала решительная минута. Может быть, гуру медитирует (ему ведь и правда было о чём поразмыслить), а может быть… Пеппино позвал его самым звучным своим голосом и сказал, что будет вынужден взломать замок, если не получит ответа, и вскоре дом огласился стуком, столь же грозным, как в «Макбете»[5], только гораздо громче. Наконец замок поддался, и дверь открылась.

Комната была пуста, и, как все уже догадывались, постель была не тронута. Открыли ящики гардероба — они были так же пусты, как и комната. Наконец Пеппино отпер дверцу большого шкафа, стоявшего в углу, и оттуда со звоном и грохотом стекла хлынул поток пустых бутылок из-под бренди. Пустота — вот что было лейтмотивом всей сцены, а растерянное оцепенение — её следствием.

— Мой бренди! — сдавленным голосом сказала миссис Квонток. — Тут четырнадцать или пятнадцать бутылок. Вот откуда этот остекленелый взгляд, который вы, дорогая Лючия, принимали за концентрацию. А я называю это дистилляцией.

— Он брал его из вашего погреба? — спросила Лючия: она была слишком потрясена, чтобы обижаться, но всё ещё способна на жгучее любопытство.

— Нет, у него было от меня постоянное разрешение заказывать у моих поставщиков любые мелочи, какие понадобятся. Жаль, что мне не присылали счета каждую неделю.

— Да, дорогая, — сказала Лючия.

Джорджи поймал её взгляд.

— Я видел, как он покупал первую бутылку, — сказал он. — Помню, я вам об этом рассказывал. Это было у Раша.

Пеппино собрал свои молоток и долото.

— Что ж, нечего сидеть тут и вспоминать былое, — заметил он. — Я позвоню в полицейский участок и, что до меня, передам всё дело в их руки. Они его быстро поймают, и следующие несколько лет он сможет принимать свои позы в тюрьме.

— Но мы ведь ещё не знаем, что все эти ограбления совершил именно он, — сказала Лючия.

Никто не счёл нужным на это отвечать: остальные уже судили его и признали виновным.

— Я сделаю то же самое, — сказал Джорджи.

— Моя кружка, — сказала миссис Квонток.

Лючия встала.

— *Peppino mio*(мой Пеппино), — сказала она, — и вы, Джорджи, и вы, Дейзи, — я хочу, чтобы вы, прежде чем что-нибудь делать, выслушали меня пять минут. Подумайте вот о чём. Как мы все будем выглядеть, если передадим дело полиции? Его, наверное, поймают, и выйдет наружу, что нас всех одурачил повар по карри. Вспомните, чем мы все занимались последний месяц, вспомните наши занятия, наши упражнения, наше… всё. Нас одурачили, но я, со своей стороны, просто не вынесу, чтобы все узнали, что меня одурачили. Что угодно, только не это. Что такое сто фунтов по сравнению с этим, или кружка…

— Одна моя табакерка времён Людовика XVI стоила по меньшей мере столько же, не считая остальных вещей, — сказал Джорджи, всё ещё втайне довольный тем, что пострадал больше всех.

— И это были мои сто фунтов, а не твои, *carissima*(дорогая), — сказал Пеппино. Но было видно, что слова Лючии бродят в нём, как закваска.

— Я поделю их с тобой пополам, — сказала она. — Я дам тебе чек на пятьдесят фунтов.

— А кто захочет поделить пополам мою кружку? — с горькой иронией сказала Дейзи. — Я хочу мою кружку.

Джорджи ничего не говорил, но мысли его работали вовсю. Скоро в Райзхолм приедет Ольга, и будет ужасно, если она застанет его гудящим от истории про гуру. Взглянув на Пеппино, он увидел у него в глазах задумчивое и сочувственное выражение, которое, казалось, говорило о том, что мысли его движутся в том же направлении. Что ни говори, Лючия дала им всем пищу для медитации. Он попытался представить, как всю эту историю кричат в слуховую трубку миссис Антробус на деревенском лугу, — и не смог вынести этой мысли. Попытался представить, что миссис Уэстон когда-нибудь перестанет об этом говорить, — и не смог вообразить её молчание. Конечно, одурачены были все, но здесь, в этой пустой спальне, стояли первые простофили, которые и подбили остальных.

После вопроса миссис Квонток наступила мёртвая тишина.

— Так что же ты предлагаешь? — спросил Пеппино, обнаруживая признаки капитуляции.

Лючия пустила в ход все свои чары.

— *Caro*(Дорогой)! — сказала она. — Я хотю, стобы ты пледлозил. Мы с Дейзи — глупые зенсины, мы хотим, стобы ты и Джорджи сказали нам, сто делать. Но если Лючии нузно говойить, то я дюмаю…

Она на мгновение умолкла и, заметив на лице миссис Квонток сильнейшее отвращение к её игривости, вернулась к обычной речи.

— Я бы сделала примерно так, — сказала она. — Я бы сказала, что гуру милой Дейзи внезапно нас покинул, что его призвали куда-то в другое место. Его работа здесь окончена: он наладил наши занятия и направил всех нас на Путь. Он всегда говорил, что с ним может случиться нечто подобное…

— По-моему, он всё это задумал с самого начала, — сказал Джорджи. — Он знал, что вечно это продолжаться не может, а когда сёстры его узнали, решил, что пора удирать.

— Прихватив всё ценное, до чего мог дотянуться, — сказала миссис Квонток.

Лючия перебирала пальцами кисть.

— Теперь об ограблениях, — сказала она. — Никак нельзя допустить, чтобы стало известно, что за одну ночь совершено три ограбления и одновременно гуру Дейзи куда-то призвали…

— Мой гуру, как же! — сказала миссис Квонток, шипя от негодования при повторении этого оскорбления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.